

аффиша

телефон для деловых контактов 209-36-70, факс 299-71-86

Лет десять назад его популярности могли позавидовать многие. Ныне «бывший гардемарин» разъезжает по стране с концертами, непрерывно записывает песни, по-прежнему много снимается, а свободные вечера посвящает клубу «Кино», где является арт-директором. Недавно Дмитрий сыграл главные роли в криминальной комедии «Нина» и спектакле по знаменитой, дважды отработанной Голливудом вещи Стейнбека «О мышах и людях». На проходящем в эти дни «Кинотавре» будет показан новый фильм с участием Харатьяна — «Кризис среднего возраста», поставленный Гариком Сукачевым.

— Дима, это правда, что роль в «Кризисе среднего возраста» писалась специально на тебя?

— Ваня Охлобыстин и Гарик Сукачев говорили, что писали ее не с меня, но в период работы над сценарием уже видели, кто будет играть. И это мне, безусловно, польстило, потому что мы давно дружны, и хотелось нашу дружбу реализовать в каком-то творческом проекте.

Фильм, по-моему, получился. Он будет представлен на Московском кинофестивале. Приглашали и в Канны, но мы не успели смонтировать. Кроме работы с Гариком, сейчас снимаюсь у Светланы Дружининой в 28-серийном телевизионном фильме «Тайны дворцовых переворотов». Играю Ивана Долгорукого. XVIII век, политика, дворцовые интриги...

— А кто-то из вашей прежней компании есть там?

— Никого. Там снимаются С. Шакуров, Н. Караченцов, Н. Егорова, Н. Гундарева, В. Ильин, много замечательных артистов.

— А твоя жена Марина Майко?

— Марина снимается. Это впервые за все 12 лет работы со Светланой Дружининой, которая давно хотела пригласить ее, но все время что-то не складывалось.

— Читала, что у вас с Мариной абсолютное взаимопонимание?

— Это взаимопонимание путем всевозможной борьбы. Мы до сих пор притираемся друг к другу, несмотря на то, что живем вместе 8 лет. Постоянно происходит маленькая семейная война — в хорошем смысле, не на разрыв, не на разрушение, а на созидание.

— Признаться, ты в Марину сразу влюбился? Все-таки такая красотка, бывшая Мисс...

— Я ее сразу заметил, с первого знакомства. Но сначала не строил никаких планов на свадьбу и любовь с первого взгляда до гробовой доски... Но произошло что-то необъяснимое в воздухе. Какое-то энергетическое единение. Так что дело совсем не в красоте.

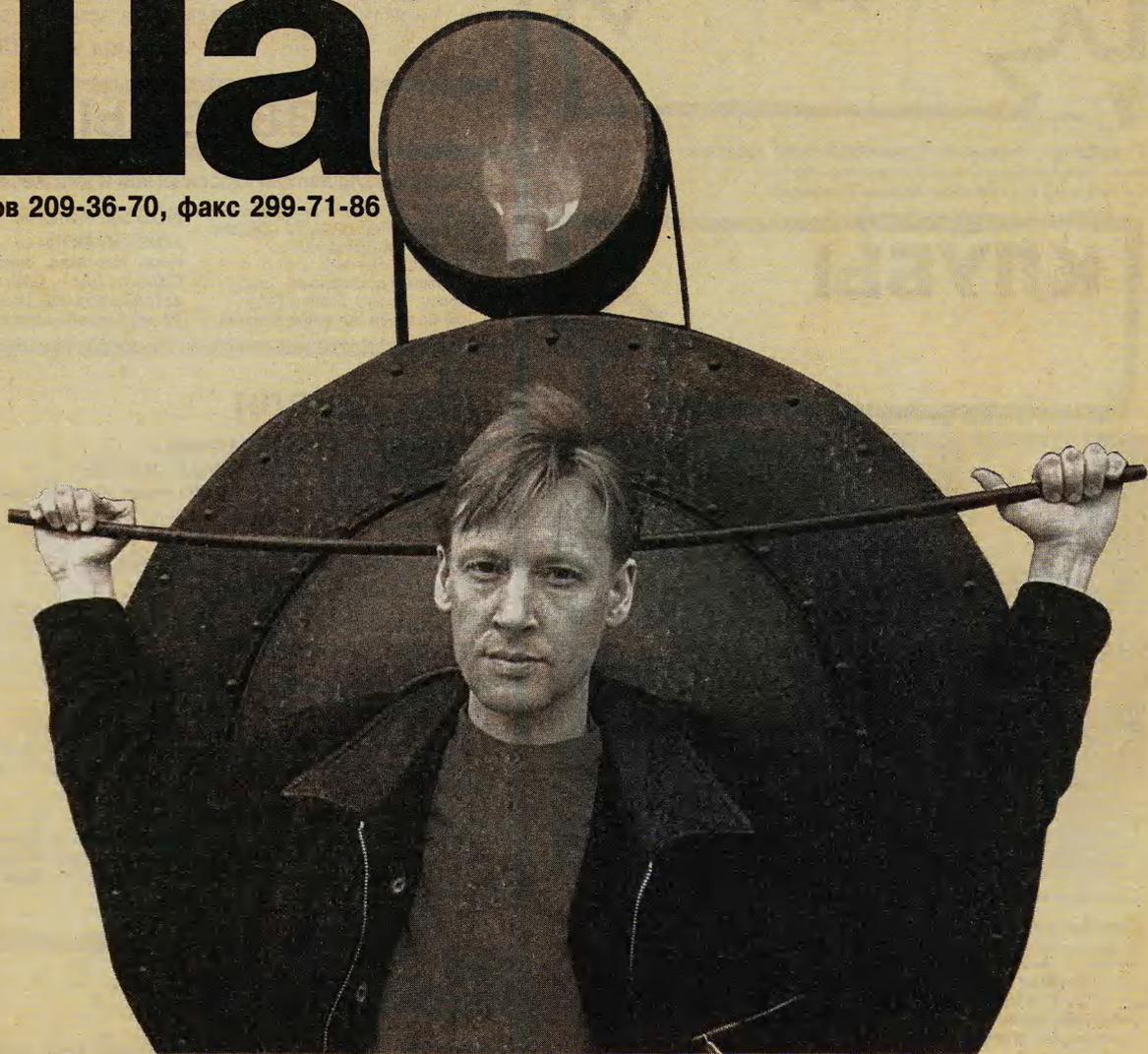
— Не могу не спросить о твоём конфликте с другим бывшим «гардемарин» Сергеем Жиговым...

— Честно говоря, я не склонен обсуждать личность Сергея Викторовича. У нас были очень непростые отношения, потому что наши взгляды буквально на все: и на искусство, и на жизнь, и на людей — не совпадали. Это трудно назвать конфликтом, просто взаимоотношения достигли критической точки. У Сергея есть совершенно неопределимое качество. То, чем он занимается, он делает на очень высоком уровне. Я имею в виду продюсерство. Он чуть ли не единственный человек в нашей стране, который может поднять и поднимает такие необъятные проекты: 18 серий королевы «Марго», 25 серий Монсоро. Сейчас он запускает 12-серийный фильм «Все красное». Мне есть о чем пожалеть. Любые воспоминания, особенно связанные с человеком, с которым долго делил все радости и печали, не могут не вызывать эмоций. Это болезненно из памяти не вычеркнешь. Да и не нужно. Разошлись и разошлись. Главное, потом не делать гадости друг другу. И если уж выяснять отношения, то не за глаза.

— Кого ты можешь назвать своими друзьями сейчас?

— Марину Левтову и Юру Мороза, с которыми мы вместе работаем в нашем клубе «Кино», Гарика Сукачева. Паша Каплевич, художник, давний мой друг — когда-то у Хуциева я пробовался на Пушкина, а он — на Кюхельбекера. С Олегом Меньшиковым прекрасные отношения, хотя общаемся волнообразно: с длительными встречами и такими же разлуками. Судьба иногда дарит новых друзей. Вот три года назад познакомился с продюсером Анатолием Воропаевым, и мы подружились. Благодаря ему смогли состояться и оба театральных проекта, и «Кризис среднего возраста», и выпуск двух сольных альбомов «Склонность к дождю» и «Здравствуй, если ты далеко».

— Почему ты вдруг решил выйти на драматическую сцену?

Дмитрий ХАРАТЬЯН:

«У НАС МАЛЕНЬКАЯ СЕМЕЙНАЯ ВОЙНА»

— Вообще-то не совсем вдруг... Я все-таки закончил Щепкинское театральное училище. Хотя попал туда не без проблем, так как первый раз ездил поступать прямо со съемок «Фотографий на стене», из Одессы. Естественно, был совершенно не подготовлен. Не выучил ни басню, ни прозу. Читал наизусть песню из «Розыгрыша» «Когда роют капли первый дождь...» Но так и не смог прочитать до конца. Экзаменаторы потом вышли и сказали: «Молодой человек, как вам не стыдно? Вы пришли в такое легендарное заведение и не можете запомнить двадцать строчек. Мы вас пропускаем на второй тур, но имейте в виду...» Увы, выйти на сцену после окончания не довелось. Но ничто не проходит бесследно. На определенном этапе репетиций из подсознания или из памяти всплывало многое. Очень помог и собственный опыт — и жизненный, и профессиональный, несмотря на то, что в кино другая специфика. Я не могу сказать, что чувствовал себя самостоятельным персонажем на сцене. Конечно, я сам себя поставил в экстремальные обстоятельства, знал, что отношение ко мне будет пристрастным. Многие пришли на премьеру, чтобы иметь возможность сказать, что я ничего из себя не представляю, и развенчать эту работу, как не имеющую никаких оснований для громкого обсуждения. Я все это прекрасно понимал, но мне было интересно этим заниматься, и сейчас ничто не заставит меня уйти со сцены.

— Перед первым спектаклем волновался?

— По-школярски: как бы не сказать не вовремя фразу, не сделать что-то не так. Я думал больше о правильности исполнения рисунка, нежели действительно получал радость от того, что я на сцене.

— Говорят, в юности ты увлекался геологией...

— Я получил отсрочку от армии на полгода, съемки закончились. Было свободное время. Неожиданно познакомился с двумя парнями, отчисленными из Щукинского училища за прогулы. Они собирались в геологическую партию, у одного из них там работали знакомые. Представляешь, какая это романтика в 18 лет! Центральные Кызылкумы, пустыня, палатки. Подъем в половине пятого. В пять — выход на маршрут, днем дикая жара. И я — домашний ребенок — проработал два с половиной месяца!

Помню, как ползали огромные страшные пауки-каракурты, скорпионы, змеи... И все же это очень приятные воспоминания.

— Ты, похоже, человек очень азартный: на телевизионной игре «Пойми меня» так искренне переживал проигрыш...

— Полтора года назад мы туда пошли исключительно с одной целью. Тяжело заболела наша общая знакомая Белла Дунаева, которая была вторым режиссером на студии Горького. Заболела, работая на картине «Королева Марго». Леня Ярмольник помог ей с операцией в госпитале Бурденко, потом нужна была реабилитация в специальном доме отдыха. А денег не хватало. И мы выиграли и помогли ей. Может, потому, что цели были такие чистые и благородные. А может — действительно уже понимали друг друга с полуслова. Потом Марусев сказал, что хотелось бы нас, как ветеранов и победителей, видеть еще раз. И мы согласились — уже из азарта и интереса.

— Ты работал со многими режиссерами. Кто из них тебе особенно близок?

— Как только не стало Гайдая, я понял, что из моей жизни ушло нечто невозвратимое. Без веры жить тяжело. А когда уже обрел ее и вдруг лишаешься — еще труднее. Я знал, что нужен Гайдаю, что он во мне видит «своего» артиста — в этом нет никакой самоуверенности. Мы должны были вместе работать. Он писал сценарий новой комедии, и в ней была роль для меня. Нас связывало что-то на уровне энергетике, потому что мы друг другу доверяли. Придумывали свои традиции. Например, он мне дарил оделон на день рождения. А я ему — блок хороших сигарет. Он не мог себе позволить покупать иностранные сигареты. Они тогда только появились и стоили дорого. А курил он одну за другой. Ну что такого — блок сигарет на день рождения? А он всегда это помнил. Мало того, растягивал на весь год. Говорил: «У меня еще есть ваши сигареты, Дмитрий Владимирович». Я и сейчас, когда хожу к нему на могилу, всегда приношу открытую пачку сигарет. Может быть, такие трогательные подробности ничего не значат, но существовала история, наша с ним история.

Марина ЗЕЛЬЦЕР